

Теоретическая, прикладная **и сравнительно-сопоставительная лингвистика**

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-334-352

EDN: YNVSUO

ЛИНГВОФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В.И. АБАЕВА И ОСЕТИНО-КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЕ ИДЕОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Рашид Султанович Аликаев¹, Вячеслав Хаутиевич Унатлоков²

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

¹ ralikaev@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7602-4349>

² yunatlokov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0756-9323>

Аннотация. Статья посвящена лингвофилософской концепции выдающегося отечественного теоретика, историка и философа языка, крупнейшего ираниста Василий Ивановича Абаева. Аспекты авторской лингвофилософской концепции излагаются на материале двух работ В.И. Абаева: «Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка» (1970) и «Языка как идеология и язык как техника» (1934). Особое внимание в этих работах он уделяет проблеме происхождения человеческого языка. Сама теория происхождения языка, по его мнению, должна опираться на оптимальную научную теорию, которая исходит из правильных теоретических предпосылок и согласуется с доступными эмпирическими данными. Для объяснения происхождения языка важным является не грамматика языка, а предметно – значимая лексика, ибо он полагает, что происхождение лексики является единой и цельной проблемой, а происхождение грамматики неизбежно дробится на ряд частных вопросов.

Язык, по мнению В.И. Абаева, возник не из биологических, а социальных потребностей человека, из потребности относить вещи к своему коллективу, накладывая на них свое «тавро».

Особое внимание уделяется понятию идеосемантики, введенного впервые В.И. Абаевым в научный оборот. Он выделяет два типа семантики: малая семантика (или сигнальная, техническая), включающая общеобязательный минимум смысловых функций, определяющий современное коммуникативное использование слова, и большая семантика, представляющая собой сумму тех сопутствующих познавательных и эмоциональных представлений, в которых отражается сложная внутренняя жизнь слова в его прошлом и настоящем. Это более широкое понимание семантики он обозначил термином «идеосемантика». Идеосемантика, по мнению В.И. Абаева, является важнейшим критерием для исторической характеристики языковых явлений. Ценность языка на раннем этапе его становления В.И. Абаев видит в его «этнодемаркационной функции»

В заключении статьи приведены идеосемантические параллели в трех генетически и структурно разнотипных языках: осетинском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском.

Ключевые слова: В.И. Абаев, лингвофилософия, идеосемантика, происхождение языка, осетинский язык, кабардино-черкесский язык, карачаево-балкарский язык.

Для цитирования: Аликаев Р.С., Унатлоков В.Х. Лингвофилософская концепция В.И. Абаева и осетино-кабардино-балкарские идеосемантические параллели // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 334-352. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-334-352. EDN: YNVSUO.

© Аликаев Р.С., Унатлоков В.Х., 2024

Original article

V.I. ABAEV'S LINGUOPHILOSOPHICAL CONCEPT AND OSSETIAN-KABARDINO-BALKARIAN IDEOSEMANTIC PARALLELS

Rashid S. Alikaev¹, Vyacheslav Kh. Unatlov²

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia.

¹ ralikaev@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7602-4349>

² yunatlov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0756-9323>

Abstract. The article is devoted to the linguophilosophical concept of the outstanding Russian theorist, historian and philosopher of language, the largest Iranian scholar Vasily Ivanovich Abaev. The aspects of the author's linguophilosophical concept are presented based on two works by V.I. Abaev: "Reflection of the work of consciousness in the lexico-semantic system of language" (1970) and "Language as ideology and language as technique" (1934). In these works, he pays special attention to the problem of the origin of human language. The theory of the origin of language itself, in his opinion, should be based on an optimal scientific theory that proceeds from the correct theoretical premises and is consistent with the available empirical data. To explain the origin of a language, it is not the grammar of the language that is important, but the subject-significant vocabulary, as he believes that the origin of vocabulary is a single and integral problem, and the origin of grammar is inevitably divided into several particular issues.

Language, according to V.I. Abaev, arose not from biological, but from the social needs of a person, from the need to relate things to their collective, to impose their own "brand" on them.

Special attention is paid to the concept of ideosemantics, firstly introduced by V.I. Abaev into scientific circulation. He distinguishes two types of semantics: small semantics (or signal, technical), which includes a mandatory minimum of semantic functions that determine the modern communicative use of the word, and large semantics, which is the sum of those concomitant cognitive and emotional representations that reflect the complex inner life of the word in its past and present. He defined this broader understanding of semantics by the term "ideosemantics". Ideosemantics, according to V. Abaev, is the most important criterion for the historical characterization of linguistic phenomena. V. Abaev sees the value of language at an early stage of its formation in its "ethnodemarkation function".

In conclusion, the article presents ideosemantic parallels in three genetically and structurally diverse languages: Ossetian, Kabardino-Circassian and Karachay-Balkar.

Key words: V.I. Abaev, linguophilosophy, ideosemantics, origin of language, Ossetian language, Kabardian-Circassian language, Karachay-Balkar language.

For citation: Alikaev R.S., Unatlov V.Kh. V.I. Abaev's linguophilosophical concept and ossetian-kabardino-balkarian ideosemantic parallels. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 334-352. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-334-352. EDN: YNVSUO.

© Alikaev R.S., Unatlov V.Kh., 2024

Василий Иванович Абаев внес существенный вклад в отечественное языкознание, хотя его имя с завидной регулярностью появлялось только в связи с критикой теории Н.Я. Марра. Он обладал фундаментальной филологической подготовкой, его научные интересы были связаны не только с вопросами теории, истории и мифологии иранских языков, в частности осетинского языка, он, занимаясь этимологией иранских языков, привлекал материал большого языкового массива: от финно-угорских, кавказских, европейских языков до санскрита и древнеиндийского. Знакомство с его работами показывает великолепное владение французским и немецким языками.

Особое место в его научной деятельности занимает фундаментальный «Историко-этимологический словарь осетинского языка» в 5 томах (1958-1995), где в деталях прослеживается этимология и история осетинских слов и внешние связи осетинского языка с целым рядом разнородных языков мира [Абаев 1958-1995]. На основе препарирования языкового материала в данной работе еще многое можно обнаружить о его видении языка и его функций, формировании языка и его исторических связей, становлении лексики языка и влиянии на нее соседствующих языков, т.е. многое еще предстоит раскрыть и понять в этих этимологических статьях.

В лингвистическом наследии В.И. Абаева разработке основных теоретических проблем языкознания посвящены две работы: «Языка как идеология и язык как техника» (1934) [Абаев 1995: 45-83; Абаев 2006: 27-66] и «Еще о языке как идеологии и о языке как технике» (1936) [Абаев 2006: 45-58]. Некоторые теоретические мысли о языке сформулированы также в работе «Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка» [Абаев 1995: 7-44]. В них, на наш взгляд, наиболее системно изложена его лингвофилософская концепция. Эти же работы до известной степени позволяют судить об особенностях формирования отечественного языкознания на раннем этапе его становления.

Обратимся к работе «Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка» [Абаев 1995: 7-44], где В.И. Абаев, объясняя свой подход к описанию и анализу языковых фактов, пишет, что исследование эмпирических фактов сочеталось в науке всегда с гипотезами и обобщающими теориями, которые, как правило, основывались часто на не весьма неполной индукции. Он считает, что теория происхождения языка должна опираться на оптимальную научную гипотезу, которая: «1) исходит из правильных теоретических предпосылок; 2) лучше согласуется с доступными эмпирическими данными, дает им наиболее удовлетворительное объяснение» [Абаев 1995: 9].

Обращаясь к вопросу о генезисе языка, В.И. Абаев утверждает: «Язык родился не из потребности давать вещам названия, а из потребности относить вещи к своему коллективу, накладывая на них свое «тавро» [Абаев 1995: 10]. «Язык возник не из биологических, а социальных потребностей человека» [Абаев 1995: 12].

Говоря о происхождении языка, по мнению В.И. Абаева, следует иметь в виду происхождение предметно-значимой лексики, а не грамматику, ибо они различаются и генетически, и функционально. Лексика отличается от грамматики тем, что «целиком соотносима с объективной действительностью», грамматика

же соотносима лишь отдельными элементами. В лексике, которая хронологически предшествует грамматике, утверждает В.И. Абаев, важным является познавательный аспект языка, в грамматике – коммуникативно-технический. Если лексика представляет собой бытие, прошедшее через общественное сознание, то грамматика – социально отработанные приемы организации языкового материала для коммуникативных целей. Василий Иванович считает, что невозможна теория языка, которая объясняла бы одновременно происхождение лексики и грамматики, т.к. «происхождение лексики является единой и цельной проблемой», а «происхождение грамматики неизбежно дробится на ряд частных вопросов» [Абаев 1995: 11].

Интересно мнение о происхождении человеческой речи: основой для первых слов служили «звуковые сигналы, которыми уже обладали животные предки человека». Однако разгадку генезиса человеческой речи следует «искать, разумеется, не в количественном умножении этих сигнальных звуков, а в их качественном преобразовании, точнее – в новом характере связи между звучанием и значением, которая у человека изначально «отрабатывалась социально, в каждом осознавшем себя коллективом (стаде, орде, группе)» [Абаев 1995: 11]. Сигнальные звуки трансформировались в слова в процессе трения человеческих групп друг с другом [Абаев 1995: 13]. В.И. Абаев полагает, что приемлемой является только та теория возникновения языка, которая с самого начала отмечает условный характер связи между звучанием и значением языковой единицы. Эта условность и есть начало возникновения человеческой речи [Абаев 1995: 21].

В.И. Абаев отмечает, что «самые мелкие и мельчайшие языковые группы с поразительной цепкостью держатся за родную речь, хотя коммуникативные нужды повелительно толкают их на путь языковой ассимиляции и объединения с соседями» [Абаев 1995: 18]. Эта цепкость отражала социальную особенность этноса, отказ от которой означал потерю собственного лица и самобытности. Из этого он делает вывод о том, что ценность языка заключалась в его «этнодемаркационной функции» [Абаев 1995: 18].

Василий Иванович полагает, что любые трансформации в человеческих коллективах и их взаимоотношениях влекли за собой «обогащение и совершенствование речевых средств и способствовали быстрому прогрессу сознания и языка. Часть отработанных звуковых комплексов утрачивала свою слишком субъективную, односторонне окрашенную коллективным эгоизмом семантику. Язык все более становился орудием познания объективной действительности» [Абаев 1995: 41-42].

Перейдем теперь к работе «Язык как идеология и язык как техника» (1934), где впервые зафиксирован термин «идеосемантика» [Абаев 1995: 45-83].

Работа включает следующие разделы: «Когда семантика перерастает в идеологию» [Абаев 1995: 45-48], «Непрерывный процесс технизации» [Абаев 1995: 48-52], «Закон социализации и закон преемственности» [Абаев 1995: 52-55], «Технизация как фактор языкового развития» [Абаев 1995: 55-62], «О типологической классификации языков» [Абаев 1995: 62-66], «Понятие идеосемантики» [Абаев 1995: 66-83].

Свое рассуждение о языке В.И. Абаев начинает с семантики, которую он делит на техническую и идеологическую. Различия между этими двумя понятиями он иллюстрирует на пример латинского слова *rescupia* «деньги». В этом значении, утверждает Василий Иванович, мы ничего более не подразумеваем и остаемся в пределах коммуникативной, технической семантики. Однако, как только мы «устанавливаем связь этого слова с латинским же словом *rescus* в значении «скот», семантический анализ получает силу и значение идеологического» [Абаев 1995: 45]. Выражаясь терминами Василия Ивановича, «существуют две семантики: семантика изолированных, технических значений – техническая семантика, и семантика генезиса и взаимосвязи значений – идеологическая семантика» [Абаев 1995: 45].

Следует особо отметить, что термины «техническая и идеологическая семантика», противопоставленные друг другу, не означают противопоставление формы и содержания: форма относится к технике, а семантика и к технике, и к идеологии.

В следующем примере он еще транспарентно показывает соотношение этих двух понятий: «Осетинское слово *wazdan* имеет два значения: «человек высшего сословия» («уздень») и «вежливый». Взятые изолированно, каждое из этих значений несет чисто техническую функцию в коммуникации. Но сопоставление этих двух технических значений вводит нас уже в круг определенных идеологических представлений известной социальной среды, согласно которым вежливость есть свойство людей высшего класса» [Абаев 1995: 45].

Приводя примеры этноспецифической номинации вещей в разных языках, Василий Иванович объясняет это наличием особого мировоззрения и особых условий общественного существования в период формирования конкретной единицы языка.

Каждое слово в языке (он употребляет чаще термин «речь») у его носителя вызывает два вопроса: что означает конкретная единица языка и каким способом данная единица выражается. По мнению Василия Ивановича, техническая семантика отвечает на первый вопрос, а на второй вопрос – идеологическая семантика, исследуя пути становления языковых (речевых) категорий, устанавливая ассоциативные пути, по которым происходит номинация предметов окружающего мира. Её задачей является также показ особенностей смены одних значений другими, участия старых языковых единиц в процессе номинации новых понятий [Абаев 1995: 46].

В разделе под названием «ВОСПРИЯТИЕ – ОСОЗНАНИЕ – НАРЕЧЕНИЕ» отмечается, что для отражения нового явления в языке недостаточно, чтобы оно было языковым коллективом воспринято, а необходимо его осознание и приобщение «к системе хозяйственного и социального опыта данного коллектива», выражаясь другими словами, оно нуждается в вербализации средствами языка. На вопрос о том, как эта потребность удовлетворяется языком, путем изобретения совершенного нового слова, формы или оборота, Василий Иванович отвечает: «Ни в коем случае. Элементы изобретательства почти совершенно в языке отсутствуют» [Абаев 1995: 46]. Номинативные стратегии при обозначении нового явления в обществе базируются, по мнению В.И. Абаева,

на старом языковом (у Абаева речевом) материале на основе комбинации, изменения или приспособления существующего материала, обладающего известной вариативностью, при этом в конкретной среде (т.е. в языке или языковом коллективе) наречение происходит одним определенным способом. Оно при этом теснейшим образом связано с вырастающим на специфичной для данного этноса материальной основе мировоззрения и идеологии [Абаев 1995: 46-47].

В.И. Абаев отмечает, что одинаковые нормы языковых (речевых) новообразований детерминированы одинаковыми условиями бытия, в которых находится носитель языка. Причина того, что в различных языках «одно и то же, по своей объективной сущности, явление или отношение может выражаться... совершенно различными способами и обратно», кроется не в ощущении, а в осознании, которое включает или учитывает результаты всего предшествующего опыта. Процесс осознания и наречения нового явления или предмета протекает как включение его в существующие в языке семантические комплексы, занимая подобным образом свое место в «системе всей нашей осознанной, идеологизированной практики». Наречение в этом смысле представляет собой связь нового семантического комплекса со старыми, т.е. процесс использования старых, существующих в языке средств для номинации новообразования. В процессе осознания и наречения вещей, по мнению В.И. Абаева, независимо от желания носителя языка или языкового коллектива, проявляется его общественно детерминированное мышление, мировоззрение, идеология. При этом технический аспект речи информирует об объеме общественной практики, а идеологический – об идеологическом осознании этой практики [Абаев 1995: 47]. Идеология в данный период времени обладает широким смыслом и включает в себе и комплекс обыденных представлений людей о мире.

Элемент речи, являясь носителем конкретного технического значения, соответствует реально существующему в объективном мире факту или отношению и представляет техническую значимость, образуя «ядро», способное переходить из эпохи в эпоху, отражая эмпирический опыт человека и этноса. В процессе дальнейшего развития на указанное объективное «ядро» наслаивается комплекс сопутствующих семантических представлений, образуя «оболочку», которая, по образному выражению Василий Ивановича, «придает речевому элементу известный идеологический аромат». «Ядро» находит свое отражение непосредственно в предметной действительности, а «оболочка» – в общественной идеологии. Дополнительно отмечается, что «ядро» связано с научным познанием, а «оболочка» с широким рядом всевозможных мифологических, религиозных, метафизических и поэтических построений [Абаев 1995: 48].

В следующем разделе «НЕПРЕРЫВНЫЙ ПРОЦЕСС ТЕХНИЗАЦИИ» В.И. Абаев отмечает, что в коммуникативном процессе семантический центр новообразования, отражающего особенности мышления и мировоззрения ограниченной социальной группы, все ближе перемещается к «ядру», т.е. к технической значимости. Переходя за рамки данной социальной среды, в процессе коммуникативного акта, новообразование сохраняет только техническое значение, т.е. из всей семантики «ядра» с «оболочкой» изначально берется только «ядро», при этом сохраняется оформление вокруг него новой, собственной оболочки

[Абаев 1995: 49]. В.И. Абаев представляет технизацию как чисто семантический процесс сужения, редукции и специализации значения, которые не позволяют осознать идеологически «оболочечные» представления и ассоциации, связанные с возникновением конкретного речевого образования [Абаев 1995: 50].

Подчеркивая динамичный характер развития языка как исторической категории, В.И. Абаев отмечает, что в повседневном языке «множество таких слов, оборотов и целых речевых категорий, что если бы их смысл и значение осознавались нами так же живо и полно, как в момент их образования, употребление их было бы совершенно невозможно, либо по бессмысленности их теперь, либо по несоответствию их современным нашим представлениям о вещах и отношениях» [Абаев 1995: 50-51].

Отмечая наличие у лексических, морфологических и синтаксических элементов языка в момент их образования, кроме технического, еще и идеологического содержания, находящего свое выражение в способе их построения, в их взаимоотношениях с остальным языковым материалом, В.И. Абаев, утверждает, что последнее актуально для носителя языка «только в первый период его существования, пока остается в силе породившая и питающая его система общественной практики и мировоззрения» [Абаев 1995: 51]. Выражаясь другими словами, «идеология речевого образования отживает и забывается, само же образование, его материальная форма может еще неопределенно долго продолжать свое существование, но уже в выдохшемся, десемантизированном, технизованном виде» [Абаев 1995: 51]. Динамика языкового развития, по мнению В.И. Абаева, проявляется в перманентном процессе семантической дедукции, специализации и технизации, протекая как по линии затемнения сознания существующей между различными элементами речи идеологической связи, так и по линии ослабления семантической живости и напряженности отдельных звеньев речи, создавая предпосылки для фонетического ослабления и перерождения.

И грамматика как структура языка представляет собой прямой результат технизации. В.И. Абаев отмечает, что в дограмматическом состоянии в языке существуют формально и функционально диффузные слова-образы и слова – понятия. Становление грамматических категорий из этой диффузной массы объясняется следующим образом: «каждое слово-понятие, начиная употребляться в коммуникативной практике по преимуществу в одной какой-нибудь функции, семантически суживается и технизуется в этой специфической функции и, таким образом, становится либо именем, либо глаголом, либо местоимением, либо предлогом и т. д., приобретая постепенно все связанные с этим логические и формальные характеристики. Так рождается грамматика» [Абаев 1995: 51-52].

Процессу технизации имеет прямое отношение и к становлению морфологии, например, превращение самостоятельных слов в служебные, что обуславливает переход от аморфности к агглютинации и флексии. Василий Иванович отмечает, что перестройка морфологии необходимо влечет за собой перестройку синтаксиса, т.е. что изменения на одном уровне языке вызывают изменения на другом уровне языка, что свидетельствует о технизации как решающем фактора языкового развития.

Следующий раздел называется «ЗАКОН СОЦИАЛИЗАЦИИ И ЗАКОН ПРЕЕМСТВЕННОСТИ».

Закон социализации и закон преемственности как факторы истории развития языка Василием Ивановичем рассматриваются как последствия процесса технизации.

В рамках закона социализации Василий Иванович обращается к проблеме особенностей коммуникации в человеческом коллективе, представляющей собой единое целое, но внутри которого функционирует ряд различных языков и диалектов. Василий Иванович полагает, что коммуникация в таком коллективе протекает посредством смешения различных языков и образования на этой основе смешанного языка или путем экспансии одного из функционирующих в коллективе языков и вытеснением других языков, что, по его мнению, характерно для ранних периодов развития человеческого общества.

Здесь также сформулирована мысль о становлении национального языка. По его мнению, конкуренция языков в человеческом коллективе, в результате которой появляется доминантный язык, характерна для более поздних этапов развития человеческого общества, а именно, для классового общества. Этот доминантный язык, расширяя свою функциональную сферу, выходя за пределы собственного коллектива, приобретает статус национального языка. Однако при этом следы прежнего многоязычия остаются в виде диалектов и наречий. Отмечается также, что язык, получивший статус общенационального, обогащается до известной степени элементами поглощаемых в процессе экспансии языков [Абаев 1995: 52-53].

Интересна мысль о преемственности языка в истории развития человеческого общества. Василий Иванович отмечает, что в процессе развития общества язык коренным образом не изменяется, общество продолжает пользоваться в коммуникации прежним языком, выступающим теперь как техника общения, а сама идеология выражается не в элементах языка, а в связанной речи, во фразе и рассуждениях. Выражаясь словами Василия Ивановича, «на смену идеологии, выраженной в самом языке (как идеологической системе), приходит идеология, выраженная с помощью языка (как коммуникативной системы)» [Абаев 1995: 53-54]. Специфика развития языка в обществе как коммуникативной системы, по мнению В.И. Абаева, заключается в том, что в процессе становления язык представляет собой некую идеологию, то с течением времени он все более превращается в технику, в технику «для выражения других идеологий, ... для обслуживания общественной коммуникации» [Абаев 1995: 54].

Касаясь вопроса исторической изменчивости языка, В.И. Абаев пишет: «...языку позволено изменяться, но так, чтобы каждое новое поколение могло объясняться с предшествующим. Изменяясь в этих рамках, язык может в 200–300 лет стать неузнаваемым» [Абаев 1995: 54].

В.И. Абаев отмечает неравномерность трансформаций языковых уровней и пишет: «Оценивая современные языки с точки зрения отражения в их структуре современных же общественных идеологий, мы находим кое-что в семантике и лексике, почти ничего в синтаксисе и ровно ничего в морфологии. Если как техника язык обрабатывается и обновляется каждый день, то как идеология он

основными своими контурами уходит в прошлое и лишь некоторыми элементами – в современность» [Абаев 1995: 55].

Следующий раздел посвящен технизации как фактору языкового развития.

Называя существующие концепции причин изменения языка, которые все же не дали полного ответа на данный феномен, В.И. Абаев отмечает, что «вопросы фонетической эволюции вообще изменения языка ни в коем случае не могут быть рассматриваемы изолированно от семантики», ...«нет ни одного фонетического изменения в языке, большого или малого, общего или частного, «закономерного» или «случайного», которое не предполагало бы в качестве необходимой предпосылки, в качестве *conditio, sine qua non*» той или иной формы или степени семантического смещения, семантического сужения или семантической редукции» [Абаев 1995: 56].

Подчеркивая важность семантики для функционирования языковой единицы, В.И. Абаев пишет: «Внешняя деформация языка есть результат деформации внутренней, семантической. Чтобы расстроить «плоть» языка, достаточно поразить его «душу», его семантику. Пока речь семантически наполнена, насыщена во всех своих элементах, она требует адекватной полноты материального, звукового выражения, ибо всякое уклонение ощущалось бы как нарушение, как ущерб для отчетливо осознаваемого говорящим семантического содержания. Живая, действенная семантика держит как бы на цепи все элементы речи, предохраняя их от распада и перерождения. Она, как цемент, скрепляет многообразные части сложного языкового здания» [Абаев 1995: 56].

Затрагивая в связи с семантикой проблему системности языка, В.И. Абаев отмечает: «Когда мы говорим, что язык уподобляется некоей системе, не следует думать, что речь идет о какой-то последовательной и выдержанной логической системе. Всякие попытки логизировать неизменно кончаются крахом, безразлично, идет ли речь о примитивном или ультрацивилизованном языке» [Абаев 1995: 59].

Динамика развития языка видится в том, что классификации объектов становятся несравненно сложнее и многообразнее, что обусловлено сложностью и многообразием общественных отношений, когнитивного потенциала самого носителя языка [Абаев 1995: 60], что не дает возможность все это адекватно отразить в языковой структуре, «ибо язык, отягощенный столь большой и сложной идеологической нагрузкой, оказался бы несостоятельным в своей технической функции общенационального и преемственного орудия коммуникации» [Абаев 1995: 60].

Далее Василий Иванович отмечает: «Язык, как живая познавательная система, должен быть (в теории!) строго логичен. Для языка как традиционной коммуникативной системы это отнюдь не обязательно. Реально существующие языки представляют бесконечно пеструю картину разных форм и степеней компромисса между логически-познавательными и формально-техническими категориями» [Абаев 1995: 61].

Следы прошлого человеческого коллектива так или иначе сохраняется в грамматической и лексической структуре языка в десемантизированном виде как «обрывки и клочья мировоззрений прошлого, в сильнейшей степени иска-

женные, замаскированные и перепутанные процессами технизации» [Абаев 1995: 61].

Следующий раздел работы посвящен типологической классификации языков. В данном разделе он отмечает возможность двойного подхода к типологической классификации языков, обусловленный самой природой языка, с одной стороны, оперирование содержательным, идеологическим аспектом языка, с другой, учет его формальных и технических характеристик, т.е. подчеркивается важность как семантических, так формальных критериев [Абаев 1995: 62-63].

И наконец, работа завершается разделом «Идеосемантика».

Концепция идеосемантики является существенной частью размышлений о сути языка и важным вкладом В.И. Абаева в общую теорию языка. При обращении к содержанию его работы не следует забывать особенности эпохи написания работы.

В.И. Абаев отмечает, что слово в языке проходит огромный путь, путь «не в сорок веков, а по меньшей мере в сорок тысячелетий», прежде чем оформилось современное его значение. В истории слова кроется история всего человеческого языка и мышления. Любое слово нашей речи, прежде чем получить современное обиходное значение, прошло сложную семантическую историю, ведущую нас в конечном счете к начальным словотворческим усилиям человека. Историческую семасиологию нельзя построить на данных памятников языка, ибо «отрезок времени, охватываемый письменными памятниками, столь ничтожен по сравнению с «геологическими» масштабами глоттогонии» [Абаев 1995: 67].

Языковед-историк, по мнению В.И. Абаева, должен определить пути трансформаций значений слова в истории существования языка и каким образом в этих трансформациях отразились особенности познавательных связей человека как носителя языка с окружающим его миром.

Он выделяет два типа семантики: малая семантика (или сигнальная, техническая), включающая общеобязательный минимум смысловых функций, определяющий современное коммуникативное использование слова, и большая семантика, представляющая собой сумму тех сопутствующих познавательных и эмоциональных представлений, в которых отражается сложная внутренняя жизнь слова в его прошлом и настоящем. Это более широкое понимание семантики он обозначил термином «идеосемантика» [Абаев 1936: 12].

Данный термин в отечественном языкознании достаточно редко употребляется, вместо него функционирует термин «внутренняя форма» (В. фон Гумбольдт, переработанное А.А. Потебней), сам В.И. Абаев отмечает, что понятие идеосемантики близко подходит к понятию «внутренней формы» [Абаев 1995: 68], до некоторой степени с идеосемантикой пересекаются термины «культурная память языка», «историческая» или «скрытая память языка», а в последствии – т.н. «языковая картина мира» и «языковая модель мира». В исследованиях конца XX – начала XXI в., связанных с реконструкцией значения с помощью художественного текста, термин идеосемантика также не употреблялся. Термин и специальный раздел, посвященный идеосемантике, мы встречаем в диссертационном исследовании А.А. Сосниной [Соснина 2016].

Итак, по мнению В.И. Абаева, понятие идеосемантики теснейшим образом связано с исторической лексикологией, где ее сфера употребления весьма разнообразна. В работе отмечаются следующие функции идеосемантики: 1) этимология вскрывает идеосемантику, идеосемантика вводит в исторические реалии; 2) устанавливаемая сравнительно-лингвистическим путем идеосемантика наводит на правильную этимологию; 3) идеосемантика вводит нас в мировоззрение человека на различных, зачастую весьма отдаленных, стадиях развития общества [Абаев 1995: 70].

Василий Иванович убежден, что все, что характеризует лексику в ее познавательной функции, находит свое выражение в идеосемантике, которая, по его мнению, составляет «нерв и душу всякого исторического исследования в области лексики» [Абаев 1995: 71].

Не меньшее значение идеосемантика представляет не только для лингвиста, но и для литературоведа и писателя, о чем он пишет: «Предшествующие этапы развития данного семантического комплекса могут как-то сохраниться в семантической структуре слова, окружая его тончайшей идеосемантической оболочкой, почти неуловимой, да и несущественной в повседневной речи, но весьма важной, скажем, для поэта или переводчика художественного произведения» [Абаев 1995: 72]. Эти самым он подчеркивает большую значимость идеосемантики для художественной речи. Далее он аргументирует значимость идеосемантики следующим образом: «Можно даже сказать, что значение идеосемантики в художественной речи особенно велико. Если в научном языке естественно стремление употреблять слово в его максимально точном, ограниченном, технизованном значении, то для художника слова высшим мастерством и достижением является, напротив, – умение заставить играть слово всеми теми многообразными и тонкими идеосемантическими оттенками и ассоциациями, которые оно несет с собой из глубины своего прошлого. И при переводе художественного произведения с одного языка на другой часто приходится считаться в большей степени с этой идеосемантической оболочкой, чем технизованным «ядром» [Абаев 1995: 72].

Углубляя содержательную дефиницию термина идеосемантика, В.И. Абаев отмечает его особые функциональные черты: «Между тем, идеосемантика – это не неподвижная форма, а именно жизнь, т. е. нечто изменяющееся, подвижное, динамическое, как изменчива, подвижна и динамична сама мысль. Идеосемантика в нашем понимании не есть что-то данное раз и навсегда, предопределенное этимологией слова. Как все живое, она возникает, развивается, отмирает с тем, чтобы затем снова ожить на путях уже нового осмысления старой звуковой формы. Это – вечно живой и деятельный процесс, которому не видно предела, пока вообще существует человеческая речь» [Абаев 1995: 73].

Определяя функциональные особенности идеосемантики, В.И. Абаева замечает, что «идеосемантика может пребывать подолгу в полусознанном состоянии, лишь иногда и при особых обстоятельствах, подымаясь в сферу ясного сознания. Именно поэтому овладение всей гаммой идеосемантических оттенков слов какого-либо языка требует чрезвычайно интимного знакомства с этим языком. Идеосемантика начинается там, где начинаются тонкости и нюансы.

Истинное очарование всякого языка заключено в его идеосемантических тайнах. Кто не овладел этими тайнами, тот не должен говорить, что он знает язык» [Абаев 1995: 75-76].

Золотое свойство языка, раскрываемое идиосемантикой, заключается в том, что «от него ведут живые нити и вглубь – к бытию, вещам, материальному существованию, и ввысь – к сознанию, мышлению, идеологии» [Абаев 1995: 76].

На вопрос, поставленным им самим «Итак, что же такое идеосемантика?», он дает следующий ответ: «Идеосемантика определяется нами как совокупность тех симпатических и антагонистических смысловых связей, которые идут от данного слова-понятия к другим словам-понятиям. Иными словами, идеосемантика слова раскрывается, с одной стороны, в том, с какими другими словами-понятиями оно мыслится или мыслилось как родственное, близкое, взаимозаменяемое; с другой стороны, в том, каким другим словам-понятиям оно противопоставляется или противопоставлялось как антагонистическое, оппонирующее. Идеосемантика включает весь комплекс сопутствующих познавательных и эмоциональных «созначений», которыми окружено основное значение слова» [Абаев 1995: 76-77].

Далее он сравнивает идеосемантику с музыкальными обертонами, утверждая, что идеосемантика – это и есть смысловые обертоны, сопровождающие «основное простое значение и образующие вместе с ним одно сложное семантическое целое». Выражаясь другими словами, идеосемантические «обертоны» окрашивают каждое слово особым семантическим оттенком, благодаря чему даже близкие по содержанию слова различаются едва уловимыми смысловыми оттенками. Идеосемантика постоянный спутник слова, как обертоны в музыке [Абаев 1995: 77].

В.И. Абаеву презентирует идеосемантику в первую очередь как понятие исторического языкознания, которая представляет собой не историю отдельных языков или языковых групп, а историю языкомышления, т.е. идеосемантика может употребляться и как понятие общего языкознания [Абаев 1995: 78].

По мнению В.И. Абаева, идеосемантика, раскрывающая различными способами познавательно-идеологические функции языка, охватывает все стороны языка, т.е. «идеосемантика – это все то, что характеризует язык как идеологию» [Абаев 1995: 79].

Несмотря на существующее многообразие идеосемантических особенностей языков, все они также объединены некоторым набором общих черт. В.И. Абаев отмечает: «Поскольку идеосемантика есть не что иное, как объективация в языке общественной идеологии, естественно, что в самых различных языках мы можем и должны находить сходные идеосемантические явления и нормы, как закономерный результат сходных условий общественного существования, мышления, мировоззрения» [Абаев 1995: 79].

В отдельных случаях интерпретации идиосемантики В.И. Абаев использует и термины «языковые стадии» и «стадиальность» вслед за Н.Я. Марром, но эти термины в данном случае затрагивают только интерпретацию примеров и не влияют на общее содержательное определение основного термина. Так, например, он утверждает: «Целый комплекс таких взаимосвязанных идеосе-

мантических норм указывает на некое единство исторической стадии, к которой этот комплекс относится и которая с такой же необходимостью порождает именно такой, а не иной комплекс, с какой данные условия климата, почвы порождают именно данную, а не иную растительность. Таким образом, если учение о «внутренней форме» привело В. Гумбольдта к «народному духу», то учение об идеосемантике приводит нас к «языковым стадиям» [Абаев 1995: 79]. Или «...идеосемантика – важнейший критерий для исторической (стадиальной) характеристики языковых явлений. Каждый язык в своей лексике, семантике, морфологии, синтаксисе несет отложения разных эпох своей жизни, и вскрываемая историческим анализом идеосемантика различных элементов речи показывает, что в них отражена не одна, а несколько стадий развития мышления, мировоззрения. Следовательно, говорить об идеосемантике языка, как целого, совершенно не приходится. Речь может идти только об идеосемантике отдельных элементов речи» [Абаев 1995: 80-81].

В.И. Абаев, критически оценивая термин «внутренняя форма языка» В. фон Гумбольдта, полагает, что это понятие «делает каждый национальный язык неким замкнутым миром, своеобразным, неповторимым и непроницаемым», а идеосемантика, в его понимании, «является моментом, не только различающим, но и сближающим языки, часто отдаленные друг от друга необозримыми пространствами и не имеющие никакой генетической связи» [Абаев 1995: 80]. Важное дополнение заключается в том, что параллели в области идеосемантики, «в отличие от материальных схождения, независимы от генеалогического родства и возникают на основе общности условий общественного существования и мировоззрения» [Абаев 1995: 80].

В заключительной части своей работы В.И. Абаев формулирует вывод о том, что идеосемантический анализ единиц языка помогает вскрывать пути восприятия и осознания человеком конкретных понятий и отношений общественного опыта, отмечая при этом, что даже весьма отдаленное идеосемантическое содержание речевых элементов может быть донесено до наших дней в виде еле уловимой оболочки смутных ассоциаций, окутывающих «сухое» технизированное ядро значения. Незаметная в обыденной речи, эта оболочка может быть, однако, подхвачена и оживлена художником слова для целей поэтической выразительности и стилового колорита [Абаев 1995: 81-82].

А теперь перейдем к ряду идеосемантических параллелей, обнаруженных в осетинском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском, т.е. в трех структурно и генетически разнородных языках, которые можно объяснить общностью условий общественного существования и мировоззрения, культурного и хозяйственного ареала.

Идеосемантические параллели в исследуемых языках обнаруживаются в анатомической лексике, в номинациях животного и растительного мира, колоронимах, обозначениях календарных единиц и т.д.

Анатомическая лексика:

1. Каб.-черк. *дзэл* “десна”, кбалк. *тиш эт* “десна”, осет. *даендаджы фыд* “десна”. Данное понятие в трех неродственных языках выражено словами с

одинаковым сложением: каб.-черк. *дзэ*, кбалк. *тиш*, осет. *даендаджы* “зуб” + каб.-черк. *л/ы*, кбалк. *эт*, осет. *фыд* “мясо”, что при дословном переводе означает “зубное мясо”.

2. Каб.-черк. *Иупс*, кбалк. *аууз суу* “слюна”: каб. *Иу*, кбалк. *аууз* “рот” + каб. *пс/ы*, кбалк. *суу* “вода”. Это же мы находим и в осетинском языке слове *комдон* “слюна” = *ком* “рот” + *дон* “вода”. В данных трех языках *псы*, *суу*, *дон* означают не только вода но и река, т.е. водная масса (ручьи, реки, озера, моря и т.п.)

3. Каб.-черк. *нэпс* “слеза”, кбалк. *кёз суу* “слеза”: осет. *цæстысыг* “слеза” *нэ / кёз* “глаз”, *псы / суу* “вода, ручей” – буквально “глаза-вода”. Осетинское *цæстысыг* “слеза”, по мнению В.И. Абаева, дословно означает “струя (сыг) глаза (цæст)” [Абаев 1958: 305]. Сравни также грузинское *kur-sxali* “слеза” из *kur* “глаз” + *sxal* “вода”.

4. Каб.-черк. *нэИу* “щека”, иногда “морда” из *нэ* “глаз” + *Иу* “рот”. Осет. *цæстком* “лицо”, также “совесть”. В.И. Абаев пишет: «Сложение из *цæст+ком*, буквально “глаз-рот”. Обозначение «лица» отдельными его частями (глазом, ртом, носом, щекой) широко распространено, в частности в кавказских языках; ср. аварское *бер-кал* “лицо” <“глаз-рот”, кабардинское *напэ* “глаз” <“глаз-нос” [Абаев 1958: 303-304]. Здесь можно увидеть кбалк. *бет-кьут* “облик”, *бет чырай* “физиономия”.

5. Осетинское *хæффындзтæ* “сопли” (*хæф* “гной” + *фындз* “нос”) по составу и значению совпадает с каб.-черк. *пэшын* “сопли” (*пэ* “нос” + *шын* “гной”), но отличается от карачаевского варианта *бурун бокь* “сопливый” (*бурун* “нос” + *бокь* “кал, дерьмо”, “навоз”, “отбросы”) и балкарского *бурун суу* “сопли” (*бурун* “нос” + *суу* “вода”). Последнее слово совпадает с другим кабардино-черкесским термином *нэпс* “сопли” (*пэ* “нос” + *пс (ы)* “вода”).

Колоронимы:

6. Каб.-черк. *тхэрыкьуафэ* “сизый, серо-голубой”, кар.-балк. *кёгюрчюн-бетли* “сизый, серо-голубой”. Состоит из каб.-черк. *тхэрыкьуэ*, кар.-балк. *кёгюрчюн* “голубь” + каб.-черк. *фэ*, кар.-балк. *бетли* “цвет”, дословно “голубь-цвет”. Сравни: русское голубь сизокрылый. Кабардино-черкесское слово *тхэрыкьуафэ* редко употребляется, в основном встречается описательное *гьуабжэщыхуфэ* – буквально “серо-голубой цвет”. Не очень отличается от кабардино-черкесского и карачаево-балкарского осетинское *бæлонхуыз* “голубой” из *бæлон* “голубь домашний” и *хуыз* “цвет”. Ср. русское *голубой*, украинское *голубий* от *голубь* – по синему отливу шейных перьев голубя.

7. Каб.-черк. *удзыфэ* “зеленый” (*удз* “трава” и *фэ* “цвет”), кбалк. *кырдык бетли* “зеленый” (*кырдык* “трава” и *бетли* “цвет”) – собственно “цвет травы”. Ср. осет. *каердагхуыз* “зеленый”: *каердаг* “трава” + *хуыз* “цвет”. Интересен тот факт, что в современном кабардинском языке, даже и фольклорных текстах встречаются в основном *удз щхьуантIэ* “голубая трава” (а в балкарском *кёк кырдык*), т.е. считают, что трава бывает и голубого цвета.

8. Каб.-черк. *фоуфэ* “янтарный”, кбалк. *бал бетли* “каштановый”, осет. *мыдхуыз* “темно-русый”, кумык. *бал тюс* “коричневый”: каб.-черк. *фо*, кбалк. *бал*, осет. *мыд*, кумык. *бал* “мёд” + каб.-черк. *фэ*, кбалк. *бетли*, осет. *хуыз*, кумык.

тjос “цвет”. В буквальном переводе означают “медового цвета”. Однако в сопоставляемых языках данные слова (хотя имеют одинаковый состав) функционирует в разных значениях: “янтарный” – “каштановый” – “темно-русый” – “коричневый”, на наш взгляд, отражая многообразие цветовой гаммы мёда.

Животный мир:

9. Каб.-черк. (диал.) *пхъацIэ* “клоп”: *пхъэ* “дерево (древесный)” + *цIэ* “вошь”, кбалк. *агъач бит* “клоп” (*агъач* “дерево (древесный)” + *бит* “вошь”). Ср. осет. *хъæдысыт* “клоп” (*хъæды* “древесный” + *сыт* “вошь”). Литературная кабардино-черкесская форма *гъуанэдэс* “клоп” (*гъуанэ* “дыра” + *дэс* “сидящий” от глагола *дэсын* “сидеть”).

10. Каб.-черк. *жыгыуIу* “дятел” (из *жыг* “дерево” и *уIу* от глагола *уIун* “клевать”). В черкесском и кубанском диалектах ему соответствует *пхъэуIу* – из *пхъэ* “дерево (как материал), древесина, деревянный” и *уIу*. Из таких же элементов состоит осет. *хъæдхой* “дятел” (из *хъæд* “дерево (как материал), бревно, ствол, деревянный” и *хойын* “стучать, стучать”) [Абаев 1973: 284, 285]. Ср. балк. *агъач къакъгъыч* “дятел” (из *агъач* “дерево (как материал), бревно” *къакъгъыч* от *къакъгъан* «стучать» “стучать”).

Календарные единицы:

11. Каб.-черк. *махуэку*, кбалк. *орта кюн* “четверг”. Полное совпадение идеосемантики: каб. *махуэ*, кбалк. *кюн* “день” и каб. *ку/ы/*, кбалк. *орта* “середина”, буквально: “*день середины*”. Сравни русское «среда» от средний – средний день недели. Если в сопоставляемых языках первый день понедельник, логичнее было бы каб.-черк. *тхъэмахуэку*, кбалк. *орта ыйыкъ* (ийыкъ) букв. “середина недели”. Интересно, что в некоторых тюркских языках словосочетание *орта кюн* обозначает “вторник”, например, в караимском. В осетинском подобного образования в значении *четверг* нет. Осет. *цыппæрæм* “четверг” от *цыппар* “четыре” <*цыппæрæм* “четвертый”. Можно сравнить с русск. *четверг* от четвертый.

12. Каб.-черк. *блыщхъэ*, кбалк. *баш кюн* “понедельник” из каб. *блы* “семь”, кбалк. *баш* “голова” и *каб. щхъэ* “голова”. Кабардинское *блыщхъэ* (*блы* “семь” + *щхъэ* “голова”) в дословном переводе означает “семи голова”, а карачаево-балкарское *баш кюн* (*баш* “голова” + *кюн* “день”) буквально означает “голова-день”, т.е. “головной день”. В обоих случаях название первого дня недели образовано с компонентом «голова». Ср. осет. *Къуырисæр* “понедельник” (из *къуыри* “неделя” и *сæр* “голова”), адыг. *Блыпэ* “понедельник” (из *блы* “семь” и *пэ* “начало” – “начало недели”).

Каб.-черк. *тхъэмахуэ* встречается в двух значениях: 1. “воскресенье (день недели)”; 2. “Неделя” и состоит из следующих компонентов: *тхъэ* “Бог” + *махуэ* “день”. Из таких же элементов состоит и осет. *хуыцаубон* “воскресенье (день недели)”: *хуыцау* “Бог” и *бон* “день”. Близкое по семантике и образованию в значении «воскресенье» находим в кбалк. языке слово *ыйых (ийых) кюн* “воскресенье” (из *ыйыкъ / ийыкъ* “неделя” + *кюн* “день”. Данное кбалк. слово совпада-

ет с другим вариантом (в основном разговорном) кабардино-черкесского языка тхьэмахуэ махуэ “воскресенье” (из тхьэмахуэ “неделя” + махуэ “день”).

Следует заметить, что в данных языках (кабардино-черкесском и карачаево-балкарском) часто встречается в разговорной и художественной речи бэзэр махуэ / базар кюн “воскресенье” из каб.-черк. бэзэр, кбалк. Базар “базар, рынок” + каб.-черк. махуэ, кбалк. кюн “день”. Скорее всего, это связано с тем, что воскресенье – нерабочий день и люди часто ходили на базар.

Флоронимы:

13. Каб.-черк. *хьэбзэгутхьэмнэ* “подорожник большой” (*хьэ* “собака”, *бзэгу* “язык”, *тхьэмнэ* “лист”). В карачаево-балкарском для номинации понятия “подорожник большой” функционирует лексема *ит-тили-чапыракъ* (*ит* “собака”, *тил* “язык”, *чапрыкъ* “лист”). В терском говоре кабардинского языка встречается *шыгъажэтхьэмнэ* “подорожник большой” (*шыгъажэ* “скачка” + *тхьэмнэ* “лист”), ср. осет. *дугъысыф* “подорожник” (*дугъ* “скачка” + *сыф* “лист”). Каб.-черк. *джэдуукIэ* “тысячелистник обыкновенный; “хвощ полевой” состоит из двух компонентов: каб.-черк. *джэдуу* “кошка” + каб.-черк. *кIэ* “хвост”. Такая же идеосемантика встречается в карачаево-балкарском в слове *киштик кьуйрукъ* “timoфеевка” из *киштик* “кошка” + *кьуйрукъ* “хвост”. Ср. осет. (ирон.) *гæдидымæг* “timoфеевка обыкновенная” из *гæды* “кошка” + *дымæг* “хвост”.

14. Каб.-черк. *шыдбанэ*, кбалк. *эшек шинжи* “татарник обыкновенный”: каб.-черк. *шыд*, кбалк. *эшек* “осел”, каб.-черк. *банэ*, кбалк. *шинжи* “колючка”. По этой же модели образовано осет. (ирон.) *хæрæгсынндз*, (диг.) *хæрæгсинндзæ* “татарник” (*хæрæг* “осел, ишак” + *сынндз* / *синндзæ* “колючка,шип”), чеч. *вирба* “татарник” (*вир* “осел” + *ба* “колючка”). В кабардино-черкесском языке *шыдбанэ* редко употребляется и незафиксировано словарями, более распространенное *хывбанэ* “татарник обыкновенный” (*хыв* “буйвол” + *банэ* “колючка”). Ср. кбалк. *тjое чыгъана* “татарник” (*тjое* “верблюд” + *чыгъана* “колючка”).

15. К идеосемантическим параллелям можно причислить также осет. *сæрибар* 1. “свобода”; 2. “свободный, вольный”. По данному слову в историко-этимологическом словаре осетинского языка В.И. Абаев пишет так: «Сложение из *сæр* “голова” и *бар* “право, воля”, “власть” с соединительным гласным -и-. Такое же сложение, но без соединительного гласного имеем в дигорском *сæрбарæ* “свобода”, “свободный”. По образованию ср. кабардинское *щхьэхуит* “свободный” из *щхьэ* “голова” + *хуит* “вольный”. В этих сложениях «голова» выступает в функции возвратно-притяжательного местоимения “сам”, “свой”: “представленный своей воле”, “вольный над собой”. В грузинском это особенно наглядно, ср. груз. *tavisupali* “свободный” из *tavi* “голова”, *tavisu* “свой” + *upali* “хозяин» [Абаев 1958-1995: 1979, т. III, с. 84]. Такая же идеосемантическая параллель существует в карачаево-балкарском языке: *башына бош* “свободный” из *баш* “голова” и *бош* “вольный” [Унатлоков, Жилетежев 2020: 71-77].

16. Идеосемантическая стратегия номинации обнаруживает также в каб.-черк. *шащхьэ* “сливки” есть сложное слово из *шэ* “молоко” и *щхьэ* “голова”. Из

таких же элементов состоит и кбалк. *сют баиш* “сливки”: *сют* “молоко” + *баиш* “голова” – “молока голова (верх, верхушка)”. Некоторые адыгско-карачаево-балкарские идеосемантические универсалии с *щхъэ* / *баиш* находят близкие материальные и структурно-семантические параллели в других языках. Сравните осетинское *æхсырысæртæ* “сливки” букв. “*верхушки (голова) молока*”, ног. *сутьт басы* “сливки” (*сутьт* “молоко”, *бас* “голова”). В других тюркских языках *сют баиш* не встречается, понятия “сливки, сметана” в большинстве тюркских языков носит общетюркское название *къаймакъ* / *каймак* в разных фонетических вариантах.

При оформлении понятия «глупый» в осетинском, кабардинском и балкарском функционирует одна и та же идеосемантическая модель: сет. *æнахъæл* “безмозглый, глупый”, по мнению В.И. Абаева, представляет собой «сложение осетинской частицы *æнаæ* “без” с араб. *ахъл* “ум”, хотя последнее слово в осетинском отдельно почти не употребляется» [Абаев 1958: 148-149]. Такая идеосемантическая параллель встречается в кабардино-черкесском и карачаево-балкарском, например: каб.-черк. *акъылынишэ*, кбалк. *Акъылсыз* “глупый, неумный”: из арабского *акъыл* / *акъыл* “ум, рассудок” + *-нишэ* / *-сыз* “без”.

Изложенные выше идеосемантические параллели из трех структурно и генетически неродственных языков Северного Кавказа показывают, что идеосемантика может выступать важнейшим критерием для исторической характеристики и определения статуса языковых явлений.

В целом следует отметить, что лингвофилософская концепция В.И. Абаева до известной степени характеризует особенности становления отечественной лингвофилософии на его начальном этапе. Однако особо следует подчеркнуть, что концептуальные положения В.И. Абаев оставались практически неизменным на протяжении всей его научной деятельности.

В.И. Абаев, обращаясь к проблеме возникновения человеческой речи, считает, что связь между звучанием и значением формирующейся языковой единицы носила условный характер, именно эта условность и определяет начало человеческой речи.

Возникновение языка, по мнению В.И. Абаева, связано с потребностью человека относить вещи к собственному коллективу, накладывая на него свое «тавро». В основе становления человеческого языка как коммуникативного средства лежит не биологическая потребность, а социальная потребность человека. Ценность языка на раннем этапе его становления В.И. Абаев видит в его «этнодемаркационной функции».

В сложные периоды отечественного языкознания В.И. Абаев, подвергнутый резкой критике как последователь Н.Я. Марра, уходит во «внутреннюю научную эмиграцию», работая над фундаментальным трудом, посвященным этимологии осетинского языка.

В статье в эскизном виде изложены аспекты лингвофилософии языка у В.И. Абаева, однако для системного и более масштабного охвата данной проблемы, на наш взгляд, надо проанализировать его высказывания, изложенные в историко-этимологическом словаре.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев 1936 – *Абаев В.И.* Ещё о языке как идеологии и как технике // Язык и мышление. – Т. VII. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. – С. 5-18.

Абаев 1958-1995 – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. 1 «А–К». – М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1958. – 659 с.; – Т. 2 «L–R». – М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1973. – 451 с.; – Т. 3 «S–T». – Л.: Издательство «Наука» Ленинградское отделение, 1979. – 362 с.; – Т. 4 «U–Z». – Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1989. – 330 с.; – Т. 5 «Указатель». – М.: Московская типография № 2 РАН, 1995. – 449 с.

Абаев 1995 – *Абаев В.И.* Избранные труды. Том II. Общее и сравнительное языкознание. – Владикавказ: Ир, 1995. – 724 с.

Абаев 2006 – *Абаев В.И.* Статьи по теории и истории языкознания. М.: Наука, 2006. – 153 с.

Соснина 2016 – *Соснина А.А.* Этимологический анализ русск. пуст – и англ. *empt-* на фоне их идеосемантической актуализации в художественных текстах. Дис. канд. филол. н-к. – Новосибирск, 2016. – 244 с.

Унатлоков, Жилетежев 2020 – *Унатлоков В.Х., Жилетежев Х.Ч.* Этноспецифическое и универсальное в функциональной парадигме лексемы «голова» в кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2020. – № 2. – С. 71-77.

REFERENCES

ABAIEV V.I. *Eshche o yazyke kak ideologii i kak tekhnike* [Also about language as an ideology and as a technique]. In: *Yazyk i myshlenie*. – T. VII. – M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1936. – S. 5-18. (In Russ.).

ABAIEV V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. – T. 1 «A–K». – M.-L.: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1958. – 659 s.; – T. 2 «L–R». – M.-L.: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1973. – 451 s.; – T. 3 «S–T». – L.: Izdatel'stvo «Nauka» Leningradskoe otdelenie, 1979. – 362 s.; – T. 4 «U–Z». – L.: «Nauka» Leningradskoe otdelenie, 1989. – 330 s.; – T. 5 «Ukazatel'». – M.: Moskovskaya tipografiya № 2 RAN, 1995. – 449 s. (In Russ.).

ABAIEV V.I. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Tom II. Obshchee i sravnitel'noe yazykoznanie. – Vladikavkaz: Ir, 1995. – 724 s. (In Russ.).

ABAIEV V.I. *Stat'i po teorii i istorii yazykoznaniiya* [Articles on the theory and history of linguistics]. – M.: Nauka, 2006. – 153 s. (In Russ.).

SOSNINA A.A. *Etimologicheskii analiz russk. pust – i angl. empt- na fone ikh ideosemanticheskoi aktualizatsii v khudozhestvennykh tekstakh* [Etymological analysis of Russian is empty - and English *empt-* against the background of their ideosemantic actualization in artistic texts]. Dis. kand. filol. n-k. – Novosibirsk, 2016. – 244 s. (In Russ.).

UNATLOKOV V.Kh., ZHILETEZHEV Kh.Ch. *Etnospetsificheskoe i universal'noe v funktsional'noi paradigme leksemy «golova» v kabardino-cherkesskom i karachaevo-balkarskom yazykakh* [Ethnospecific and universal in the functional paradigm of the lexeme "head" in the Kabardino-Circassian and Karachay-Balkarian languages]. In: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. – 2020. – № 2. – S. 71-77. (In Russ.).

Сведения об авторах

Р.С. Аликаев – доктор филологических наук, профессор.

В.Х. Унатлоков – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

R.S. Alikaev – Doctor of Sciences (Philology), professor.

V.Kh. Unatlov – candidate of sciences (Philology), associate professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.02.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 11.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.